

Нидерланды

Бертран Вербек

Профессор,
кафедра политических наук,
Университет Неймегена

В пятницу, 8 февраля, премьер-министр Марк Рютте представил предварительные итоги переговоров о долгосрочном бюджете ЕС (2014–2020). Его послание было кратким: «задача выполнена». Нидерланды выполнили двойную задачу по сокращению расходов ЕС и по сохранению своей компенсации в 1 млрд евро, которую они впервые получили в 2005 г. На протяжении всего 2012 г. проекты бюджета предусматривали ее существенное сокращение. По итогам переговоров Австрия потеряла свою компенсацию полностью, шведская была сокращена, зато Дания получила ее впервые. Нидерланды и Великобритания смогли сохранить свои компенсации в прежнем объеме. Поэтому хвалебный тон пресс-конференции премьер-министра был оправдан.

Исход переговоров подсветил проблемы, которые надо решать голландскому правительству: чтобы соответствовать стандартам ЕС. Нидерланды взвалили на себя обязательства по сокращению дефицита бюджета и увеличению налогов объемом 24 млрд евро. Пакет мер не является гарантией того, что Нидерланды будут соответствовать требованию о «3%-ном дефиците бюджета» — норме, которую не так давно страна сама отстаивала.

Помимо этого, в целях спасения голландское правительство национализировало банк SNS, один из крупнейших розничных банков страны. Один этот шаг обошелся казне в 3,7 млрд евро, что едва покрывает недавняя распродажа некоторых государственных активов. Поэтому правительство не могло себе позволить еще один удар в виде существенного сокращения компенсации. Значение этого подтвердило и делегирование министра финансов Йеруна Дейсселблума на пост главы Еврогруппы в прошлом месяце: невыполнение Нидерландами требований еврозоны осложнит его работу.

Двойная цель, которую страна видит перед собой, отражает критическое отношение к европейской интеграции, возникшее прибли-

зительно в 2005 г. Тогда более 60% населения проголосовали на референдуме против Конституционного договора ЕС. Это был колоссальный удар по голландским внешнеполитическим элитам, которые ожидали, что население сплотится вокруг правительства. Они недооценили организаторскую силу противников договора. С тех пор большинство политиков крайне чувствительны к антиевропейским настроениям у граждан. Например, они боялись, что возобладает идея, будто Нидерланды платят больше, чем получают, и будто все больше и больше полномочий будет утекать в «европейскую сверхдержаву» (как ЕС называли оппоненты). Одним из следствий такой чувствительности правительства стала борьба за голландскую компенсацию, чтобы взносы страны выглядели справедливыми. В результате Нидерланды получили компенсацию в 1 млрд евро в 2007–2013 гг.

В 2013 г. эта чувствительность не пропала. С 2002 г., когда был убит тогдашний лидер новой, очень успешной радикальной партии СПФ Пим Фортейн, политическая ситуация в стране была сравнительно нестабильной. Политическая система в Нидерландах характеризуется крайней электоральной волатильностью и нестабильными правительственными коалициями (пять выборов и шесть кабинетов с 2002 г., включая правительство меньшинства в 2012 г.).

Хотя кампания популистской «Партии свободы» и ее лидера Герта Вилдерса, проходившая под явными антиевропейскими лозунгами, закончилась поражением на выборах 2012 г., руководство страны осведомлено о евро-скептических настроениях в голландском обществе и большинстве политических партий. Исключение составляют только «Демократы 66» и «зеленые», чьи сторонники остаются настроенными сравнительно проевропейски. Поэтому крайне важно избежать впечатления, будто Голландия платит больше, чем получает, и будто Брюссель распространяет свою власть на все больше сфер жизни в стране.

В целом, с точки зрения краткосрочной перспективы, Рютте и министр иностранных дел Франс Тиммерманс добились неплохих результатов. Жертвами нынешнего соглашения можно назвать два сектора — сельское хозяйство, науку и развитие. Фермеры, действующие через свою главную лоббистскую структуру — Федерацию сельского хозяйства и садоводства Нидерландов — жалуются на сокращение субсидий (хотя на самом деле общая европейская сельскохозяйственная политика всегда поощряла эффективную голландскую отрасль) и ждут роста конкуренции со стороны стран Центральной и Восточной Европы. Рост расходов на инновации оказался меньше, чем ожидалось, и это может негативно сказаться на голландских исследовательских институтах. Однако в данный момент это, вероятно, будет иметь минимальные политические последствия.

В долгосрочной перспективе нынешняя позиция голландского правительства может иметь другие, если не сказать противоположные, последствия. Критики — среди которых оппозиция в национальном и европейском парламентах и европейский комиссар, голландка Нели Крус — утверждают, что правительство защищало различные интересы, но не выработало долгосрочную стратегию в отношении Европы, что должно было стоять на первом месте при рассмотрении бюджета. Действительно, если будущее ЕС зависит от роста конкурентоспособности и привлечения квалифицированной рабочей силы, странно, что инновации и инфраструктура (в частности, ИКТ) не оказались в числе приоритетов. Это особенно актуально для Нидерландов, которые, кажется, по-прежнему с трудом понимают, что будущий экономический рост не может зиждиться только на хорошей работе транспорта и сельского хозяйства и что необходимы инвестиции в образование и инновации, чтобы развивать перспективные высокотехнологичные производства.

Еще важнее то, что, концентрируя свое внимание на компенсации, Голландия оказалась в прочной связке с более евроскептическими странами, как Дания, Швеция и Великобритания, хотя традиционно тяготела к франко-германскому тандему, образующему центр европейской политики. Бюджетный саммит 7–8 февраля зафиксировал разногласия между, с одной стороны, евроскептическими, поддержанными Германией, а с другой — коалицией южных и восточных стран-членов, Европарламентом и Еврокомиссией, которые по разным причинам выступали за рост расходов. На самом деле гонка еще не закончена, поскольку Европейский парламент, решительно поддерживающий увеличение бюджета, все еще может отклонить соглашение. Саммит, таким образом, обнажил существенные разногласия между странами, которые не так просто будет разрешить в нынешней ситуации экономического кризиса.

Несмотря на то что голландцы традиционно считались еврофилами до середины 2000-х гг., страна и ее внешнеполитическое руководство занимали очень прагматичную позицию на международной арене. Чтобы не допустить

доминирования больших стран, она вступила в союз с Великобританией относительно расширения ЕС — чем больше стран, тем крепче межправительственные связи.

В то же время умение фермеров извлекать выгоду из правил ОСП давало Голландии возможность поддерживать сельскохозяйственный бюджет на прежнем уровне. А эффективная привязка гульдена к немецкой марке — последовать за Германией в Экономический и валютный союз.

Однако в середине 2000-х гг. европейские вопросы стали играть все большую роль во внутренней политике. Хотя национальная внешнеполитическая элита раньше жаловалась на дефицит демократии в ЕС, именно эта особенность позволяла им скрывать плюсы и минусы европейской политики от широкой аудитории. Но со временем все больший резонанс приобретали различные вопросы — например, миграция и перемещение производств. Чувствительность к европейским вопросам подстегнул финансовый и экономический кризис: ЕС часто изображают ограничивающим макроэкономическую политику национального правительства. И прибытие в январе европейского чиновника, который будет постоянно находиться в Гааге и следить за соблюдением Нидерландами бюджетной дисциплины, только подстегнуло такие настроения.

Неслучайно, что параллельно переговорам о бюджете голландские политические партии составили список полномочий, которые должны остаться на национальном уровне или которые необходимо «вернуть» из Брюсселя. Они также потребовали от премьер-министра Рютте представить долгосрочную стратегию отношений с ЕС — просьбу, которую он деликатно игнорировал. Эти движения отражают сложность, с которой голландские политики пытаются осознать, что в отношении бюджета им необходимо следовать тем самым правилам, которые они некогда создавали. Тогда они подчеркивали, что Нидерланды — это не Греция и не Италия. Но теперь, следуя правилам, они вынуждены постоянно напоминать, что на самом деле не все полномочия переданы в Брюссель.

Борьба за европейский бюджет на 2014–2020 гг., таким образом, скрывает глубокое противоречие о Нидерландах и их отношении к ЕС. Избиратели тщательно оценивают плюсы и минусы интеграции, и голландским политикам приходится вести себя в Брюсселе жестче, чем они привыкли. Поэтому они перемещаются в лагерь евроскептиков, как было в случае с переговорами о бюджете, и отдаляются от Франции и Германии, с которыми были вместе раньше.

Если политическая система страны продолжит оставаться такой же нестабильной, какой она была с 2000-х гг., ситуация будет ухудшаться и дальше на фоне превращения Европы в острейший вопрос предвыборных кампаний. Изменения возможны в случае, если в еврозоне появятся признаки заметного экономического роста, а издержки на европейскую интеграцию будут менее очевидны или менее болезненны. К несчастью для голландских политиков, национальная экономика только что вступила в свою третью официальную рецессию с 2007 г.